

Участие в Лихачевских чтениях — это большое удовольствие и честь. Имя Дмитрия Сергеевича Лихачева ассоциируется с такими понятиями, как гуманизм и честность, основанные на понимании того, что ценности, объединяющие нас, гораздо важнее тех вопросов, что нас разделяют. То, как Д. С. Лихачев отстаивал эти ценности на родине и за рубежом, является для нас примером. В Шотландии, где я работаю, многие достижения Лихачева были признаны не только Эдинбургским университетом, где в 1964 году Дмитрий Сергеевич был удостоен звания почетного доктора, но также Университетом г. Глазго, куда он приезжал в 1980 году.

На протяжении многих лет (включая все советское время) между нашими странами существовали явные противоречия. Эти противоречия были очень ощутимы и да-

³ Профессор политологии Университета Глазго (Великобритания), доктор философии. Ведущий исследователь Университетской школы центрально- и восточноевропейских исследований, главный редактор журнала «Коммунизм и политика переходного периода».

Автор научных публикаций: «Коммунизм и его коллапс», «Политика и правящая группа путинской России», «Политика партий в новых демократических странах», «Путинская Россия и расширенная Европа» и др.

Стивен Уайт³

ДИАЛОГ ДЕМОКРАТИЙ?

же овеществлялись: например, Берлинская стена, которая разделяла Германию и ее столицу на две части. Стены больше нет, и в Берлине с трудом можно найти ее следы. Однако «стена» в умах людей продолжает существовать. Это касается не только Германии. Получается, что нас разделял не только железный занавес, но и разное культурное и историческое наследие. Сюда следует еще добавить и разное понимание тех ценностей, которые, как нам кажется, являются общими. К таким ценностям относится демократия.

Президент Владимир Путин четко заявил, что Россия — демократическая страна. И действительно, она внесла свой вклад в развитие демократии, возможно, в чем-то даже опередив остальные страны. К примеру, Россия первой предоставила женщинам право голоса на выборах. Среди государств, где это впервые произошло, была Финляндия, которая в 1906 году входила в состав Российской империи. В 1917 году на выборах в Учредительное собрание женщины голосовали наравне с мужчинами. Конституции советского периода начиная с 1918 года гарантировали равное право голоса мужчинам и женщинам, достигшим 18 лет. В Британии женщины получили право участвовать в выборах наравне с мужчинами лишь в 1928 году, во Франции — в 1944-м, а в Швейцарии — в 1973-м.

Однако, по заявлению бывшего Президента РФ, Россия будет строить свою демократию, и будет делать это по-своему. Она не станет «переизданием, скажем, США или Британии», где либеральные ценности имеют «глубокие исторические корни». Государственная власть, ее институты и структуры всегда играли чрезвычайно важную роль в жизнедеятельности России и ее граждан. Для россиян сильная государственная власть — это не аномалия, от которой следует избавиться. В 2005 году в своем заявлении на словацком телевидении Владимир Путин сказал, что демократия на российской почве будет «адаптирована под реалии жизни современной России, под наши традиции и историю. И мы осуществим этот процесс самостоятельно».

Примерно с этого времени российские лидеры, по крайней мере руководители Администрации Президента РФ, стали развивать этот тезис: Россия должна быть не просто демократией, а «суверенной демократией». Это означает, что государство в состоянии принимать решения, не поддаваясь непропорциональному влиянию членов мирового сообщества. В 2006 году господин Сурков на сентябрьском заседании партии «Единая Россия» отметил важность проведения такой политики, при которой Россия вернет свой статус независимой великой мировой державы. Конституции многих государств включают положение о суверенитете, однако лишь несколькими из них удалось реализовать это положение на практике. Остальные не располагают ни военной, ни экономической мощью, которые позволили бы им принимать независимые решения. «Кто сказал, — обратился господин Сурков с вопросом, — что мы должны прекратить попытки стать суверенной нацией?»

Теория «суверенной демократии» приобрела значение в связи с «цветными революциями», имевшими место в последние годы в некоторых странах с коммунистическими режимами в прошлом. С точки зрения участников этих событий, они стали массовыми народными движениями, возглавляемыми молодежью, с использованием новых форм коммуникации — Интернета, мобильной связи и популярной музыки. Эти революции были организованы группами активистов, интерес которых прежде всего вызывали результаты выборов, сфальсифицированные коррумпированной и некомпетентной политической элитой. В результате вынужденных повторных выборов в Сербии, Грузии, Украине и Киргизии первые посты в этих странах заняли Воислав Коштуница, Михаил Саакашвили, Виктор Ющенко и Курманбек Бакиев.

Существует и другое мнение, которого придерживается не только Кремль, его разделяют многие правительства западных стран. Оно основано на том, что упомянутые процессы были в основе своей разработаны Соединенными Штатами Америки и такими номинально независимыми организациями, как Фонд Сороса. Были выделены материальные средства для финансирования этих процессов; подготовлены специалисты по методам ненасильственной смены режима; при поддержке посольств западных стран были организованы опросы на выходе с избирательных участков таким образом, чтобы поставить под сомнение результаты официальных выборов сразу после их объявления. С такой точки зрения, все происшедшее не имеет никакого отношения к демократии, а непосредственно связано с расширением контроля Запада над той частью мира, которая в свое время находилась под советским влиянием. В идеале развитие этой ситуации привело бы к членству в НАТО и, возможно, к членству в ЕС.

Это мнение в некоторой степени преувеличивало единство намерений правительств западных государств и одновременно преуменьшало некомпетентность и коррупционность местных элит. Оба мнения по данному во-

просу, без сомнения, слишком упрощают ситуацию. Во-первых, надо сказать, что речь никогда не шла о разделении на режим и объединенную оппозицию. Были разделены и элиты, и граждане. По крайней мере на Украине общество всегда было разделено, и поддержке «оранжевых» на западе соответствовала поддержка «голубых» на русскоговорящем востоке. Даже во время повторных президентских выборов в декабре 2004 года Ющенко одержал победу, набрав 52 % голосов, что не было подавляющим большинством. Янукович же получил более 44 %, а в некоторых районах — более 90 % голосов.

Но речь идет не только о результатах голосования. Мы с группой коллег проводили исследование преобладающих настроений в фокус-группах в разных регионах страны. По существу, выделялось две позиции. Сторонники «оранжевых» взглядов считали движение, которое привело к проведению повторных президентских выборов, стихийным (неподготовленным), направленным против коррупционного и дискредитировавшего себя «кучмизма». Они воспринимали ситуацию как подлинную революцию, сродни Великой французской революции 1789 года. Вторая позиция резко отличалась от первой. Люди полагали, что кампания «оранжевых» — искусственная, организованная политтехнологами и финансируемая извне, последняя среди кампаний, организованных с целью установить прозападный режим на постсоветском пространстве. В этой группе доминировало мнение, что никакой революции не было, а был лишь совершенный политической элитой государственный переворот, который привел к росту цен и разрыву отношений с Россией.

Важным моментом сложившейся ситуации стали выборы, результаты которых были отменены в ходе народного бунта. Однако тогда встает вопрос: что же было свободными и справедливыми выборами? Некоторое время назад суждение по этому вопросу вполне можно было бы поручить Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) с широким представительством членов. Однако теперь все чаще звучит мнение, что БДИПЧ стал средством насаждения прозападных решений в разных странах. В 2007-м, а затем и в 2008 году не было найдено оснований для организации БДИПЧ наблюдательной миссии на приемлемых для обеих сторон условиях. В действительности даже основания деятельности ОБСЕ встали под вопрос. В результате мы еще более удалились от общего понимания концепции «свободных и справедливых» выборов.

В некотором смысле мы откатились в советское время. Запад заявляет, что соблюдает демократию, при этом игнорируя подобные заявления с Востока (Запад отказывается признать, что Россия и другие страны провели выборы, которые они сами считают «свободными и справедливыми»). А Восток, как и в советские годы, заявляет, что не является демократией в западном понимании, и выдвигает иное определение демократии (теперь это скорее «суверенная» демократия, нежели «социалистическая демократия»).

Есть ли выход? По-видимому, да, и его надо искать прежде всего в диалоге, который может помочь выработать по-настоящему общие нормы. Возможно, для начала странам Запада следует осознать, что в их политической деятельности есть такие аспекты, которые трудно совместить с любым приемлемым определением «демократии». Так, в государствах Балтии русскоязычные граждане, составляющие весьма значительное меньшинство населения, лишены гражданства и права участия в выборах, несмотря на то что являются уроженцами этих стран и прожили там всю жизнь. Мне и самому трудно понять, как Европейский Союз может принимать новых членов без согласия граждан стран — членов ЕС; как Лиссабонский

договор может вступить в силу без референдума, в то время как все стороны (в Британии) договорились о его проведении; и как может получиться так, что необходим повторный референдум, потому что единственная страна (Ирландия) проголосовала на внутреннем референдуме против соглашения.

В равной степени «диалог демократий» проходил бы легче, если бы и Россия признала, что чрезвычайно усложнила процессы гражданского контроля над правительством страны. Многие перемены последовали после захвата заложников в Беслане в сентябре 2004 года и вызванного им кризиса власти. Однако обсуждались они и до этих печальных событий. Одним из ключевых моментов явилась отмена выборов по одномандатным избирательным округам, депутаты от которых составляли половину членов Думы. Кроме того, было упразднено голосование «против всех» партий и кандидатов и требование о наличии кворума. Право участвовать в выборах осталось только у официально зарегистрированных партий. При этом получить регистрацию стало сложно из-за повышения до 50 тыс. минимального числа членов партии. Неправительственные организации оказались под жестким контролем. Независимым средствам массовой информации стало чрезвычайно трудно работать. Антиправительственные демонстрации все чаще подвергались разгону.

Во всем этом не было необходимости, поскольку очевидно, что нынешнее правительство России пользуется народной поддержкой и победило бы на выборах (в какой бы форме их ни проводили). Однако сильная централизация власти может привести к нежелательным последствиям. Чем слабее суды, тем больше вероятность того, что богатые и власть имущие не будут подвергать себя риску, а скорее заплатят за благоприятное для себя решение суда. Чем больше власти сосредоточено в исполнительных структурах, тем меньше у законодательных структур возможностей для выявления недостатков и совершенствования качества законотворчества. Чем меньше возможностей для контроля над правительством через суды, печатные и электронные средства массовой информации, тем выше риск оседания огромных доходов от природных ресурсов в карманах государственных чиновников.

В коротком заявлении перед выборами 2007 года в Государственную Думу президент Владимир Путин заострил внимание на «давней» проблеме российского общества — «отчуждении», которое существовало со времен царской России между правительством и гражданами, чьи интересы это правительство должно представлять. В Европе эта проблема также остается без должного ответа. Мы бы только выиграли, если бы обсудили этот вопрос, не претендуя на монополию правильных решений.